

Яков ШАФРАН

НОВАЯ ЗВЕЗДА

*«Жить нужно не для себя и для других,
а со всеми и для всех»*
Н.Ф. Федоров, «Общее дело»

«Страх перед будущим не даёт жить в настоящем»
(Восточная мудрость)

Новосёлов проснулся, как обычно, по смартфонному будильнику. Перед тем ему приснился недолгий сон, будто он едет куда-то на белой лошади, и вдруг в глаза брызнул яркий солнечный свет... За окном брезжило пасмурное октябрьское утро. Полюбовавшись позолоченным ранней осенью, далеко видимым с девятого этажа пейзажем, он умылся и сел за старенький компьютер посмотреть утренние новости.

Во первых строках тот сообщил о неугомном Израиле, совершившем очередные авиа- и ракетные удары по сопредельным мусульманским странам; о наконец уничтоженном грузовом судне со снарядами из Европы, направлявшимися нацистской Украине, до того как они попадут на фронт; о ещё одном «бессмертном афоризме», выданном одним весьма известным лицом; о следующем повышении ключевой ставки ЦБ; о расстреле ВСУ мирных жителей и новой ракетной бомбардировке гражданских объектов; о продолжающемся проституировании наших соседей ближнего зарубежья и оскорблении России западными странами и организациями; о том, что предсказание святой Матроны сбудется: России и Европе грозят тяжёлые испытания; об использовании изворотливыми мошенниками троян-вируса для беззастенчивых краж банковских данных; о разошедшейся на сцене молнии на платье у попсовой певицы Рады; о подростке в Якутии, застрелившем друга из ружья; об Агнес Баркл, впервые за долгое время пришедшей на официальное мероприятие без принца Арни; о певце Минорине, повысившем цену за выступления на полмиллиона рублей, и о продюсере Георгии Пеладзе, продающем свою знаменитую виллу за 450 млн. рублей; о показанном россиянам «скромном» деловом завтраке за 72 тысячи рублей в столичном ресторане «Севрюга»...

Новосёлов оторвал брезгливый взгляд от монитора и тоскливо огляделся кругом. «Боже мой, и это тогда, когда идут ожесточённые бои СВО и решается грядущая судьба страны, когда такое творится в мире! А тут моральный, вернее аморальный, императив¹ — как говорится, здесь немножко воюем, здесь немножко торгуем, а здесь немножко гуляем... Дисгармония какая-то!» — подумал он. День был будний, и Новосёлов, как обычно, окунулся в необходимые дела. Но родная память, по неким, одной ей ведомым законам, навеяла ему ностальгические воспоминания об очень давних временах...

В подростковые годы он хотел увидеть и узнать в своей жизни как можно больше. И, подобно массе ребят, увлекался радиосвязью и астрономией — сам с друзьями мастерил любительские телескопы и модели аэропланов и космических кораблей. Обожал научную фантастику, запоем читал все очередные номера «Техники молодёжи» и «Науки и жизни». Мечтал стать знаменитым космонавтом или учёным-физиком, а не «эффективным» менеджером, курьером доставки еды и корреспонденции или долларовым миллионером, как большинство нынешних подростков. Удивительное, романтическое время это было, и с каждым годом становилось всё чудеснее и

¹ Повеление, безусловное требование.

привлекательнее жить.

Теперь же он трудился менеджером по продаже легковых автомобилей в автосалоне. Месячная зарплата его состояла из постоянной части и сдельной оплаты. Потому, чтобы заработать для семьи из четырёх человек (хотя жена тоже работала, но надлежащее воспитание и школьное образование двух детей, а также естественное стремление быть на достойном уровне требовали известных средств) приходилось тянуть лямку двенадцать часов в день и сверхурочно.

Новосёлов тяжело вздохнул и стал собираться на службу.

* * *

Вечером, по давнишней привычке, Новосёлов вышел на балкон. Картина прекрасно видимого звёздного неба — ни облака, ни какие-либо строения не загораживали, — как всегда, подействовала благотворно и растворила вредные последствия психологических стрессов и неприятные эмоции рабочего дня. Он спокойно рассматривал знакомые созвездия, переводя, как обычно, взгляд с одной звезды на другую, различая их характерные цвета и даже оттенки.

И вдруг Новосёлов насторожился, увидев новоявленное небесное тело, бывшее размером с большую звезду. Хотел уже возвратиться за астрономическим атласом, но вспомнив, что наизусть знает местоположение звёзд и ход планет солнечной системы, огляделся — все звёзды находились там, где им было положено, никакой планеты в данной области быть не могло, да и не похоже сие новое образование ни на один космический объект. Заинтересовавшись, он долго разглядывал его, и какое-то необычное чувство, объяснение которому пока дать не умел, не покидало его чуткое сердце.

Из этого смятенного состояния Новосёлова вывел автомобильный гудок внизу во дворе. Он зашёл в комнату и, взяв любительский телескоп, используемый иногда, при наличии достаточного свободного времени, для любознательного наблюдения за Луной и околоземным пространством, направил его на «новичка». Однако, как ни настраивал фокус, тела не было видно. Вместо него шли какие-то изображения. Опустив телескоп, он вновь окинул взглядом вечернее небо — непознанный объект пребывал там же. Новосёлов несколько раз повторил те же действия — происходило снова то же самое. Тогда он решил присмотреться к этим образам.

Прильнув к окуляру, наблюдатель рассмотрел последовательно идущие кадры. Пытаясь занять более удобную позицию, Новосёлов случайно сбил прежнюю настройку, но следовали неизменные чёткие картины. Дело здесь, видимо, заключалось в другом.

А увидел Новосёлов следующее. Голографические изображения шли в форме объёмного фильма, повествующего о некой удивительной стране, красивой и образцового порядка. Он лицезрел счастливых, прекрасных людей, являвшихся равными и свободными; высокая духовность, психическое и физическое здоровье буквально излучались ими. Сконцентрировавшись, Новосёлов стал воспринимать их мысли, говорившие ему о стране, основывающейся на верховенстве Бога и на возвышенной морали; о разумной, гуманной, стране истинного народовластия, деятельности, направленной к пользе людей, на прочной базе полной общинности и коллективизма; о стране гуманитарных технологий, опережающей качества человека, его личностного роста, свободного творческого труда к общему благу. Новосёлов понял — они существовали в стабильном состоянии любви, гармоничного единения, искреннего добродушия, глубокого сострадания, реального милосердия, светлой радости и гражданской активности. Новосёлов видел картины многочисленных образовательных и культурных заведений, роботизированных предприятий, он считывал информацию о том, что всякий успех был прямым следствием служения общим интересам, а не результатом корыстолюбивых устремлений и жёсткой эксплуатации подневольной деятельности. И такой страной у них стала вся планета, представлявшая собой симфонию разновеликих долей, через всемирное, всеобщее братство «эпохи воссоединённого мира».

Новосёлов находился в безмолвном благоговении по-настоящему верующего в храме. Его сердце, под благотворным воздействием воспринимаемых сведений, то сжималось от ясного осознания большой далёкости всего данного от нынешнего земного, знакомого им и окружающего его кругом, то расширялось от захлёстывавшей любви к сему, шедшему буквально с неба, и от желания верить в реальную возможность подобной цивилизации, хотя бы впереди, хотя бы и в отдалённой перспективе. «Это моя мечта, мечта всех людей!» — подумал он. И тут услышал голос: «*Это твоя страна в будущем, новая страна!*»

На следующий день Новосёлов с работы позвонил своему другу Фомину и предложил встретиться сегодня по очень важному вопросу. Едва дождавшись окончания служебного дня, но всё же завершив дела, так чтобы завтра, как обычно, не тратить ценное время для подготовительных шагов, он выбежал из здания, на ходу с нескрываемым удовлетворением отметил хорошую погоду и чистое небо и, вскочив в подошедшую маршрутку, помчался к назначенному месту.

— Что случилось? — после приветствия спросил Фомин.

— Чудо, дружище! Не поверил бы, если бы не видел собственными глазами.

И Новосёлов вкратце поведал тому обо всём.

— Ну, ладно, поедем, посмотрим... — недоверчиво промолвил друг.

Они ехали в автобусе и молчали. Мимо проплывали дома с разными магазинами, фирмами и фирмочками на первых этажах, названия которых вновь, как в двадцатилетнем прошлом, всё чаще и чаще обозначались иностранным языком. Новосёлов с неудовольствием отмечал это про себя, но думал о естественном сомнении товарища, о том, что и он сам не принял бы за чистую монету рассказ о подобном. А Фомин помалкивал, боясь обидеть, ибо услышанное им казалось форменным сумасшествием...

Войдя в квартиру, Новосёлов, не тратя времени, взял телескоп и повёл друга на балкон. Стояли зыбкие вечерние сумерки, тёмно-синее небо, кроме самых крупных, ещё было без звёзд, но неведомое тело висело на своём месте. Он указал на него приятелю, установил аппарат и, вначале убедившись в реальности сообщённого им, пригласил к окуляру. Тот долго, не отвлекаясь, глядел в него.

— Ну, ты видел? — спросил Новосёлов, когда Фомин оторвался от объектива.

— Да-а-а... — промолвил он. — То же, о чём ты говорил... Интересно!

Они помолчали.

— На этом же можно заработать кучу денег! — вдруг сказал Фомин.

Новосёлов стал возражать, ему неприятен был меркантилизм друга:

— Нельзя наживаться на том, что приобретаем даром! «Дай Бог дать, да не дай взять!» — воскликнул он.

Но Фомин решительно заявил:

— Не желаешь, так я сам!

«Самый глухой тот, который не хочет слышать!»¹ — подумал Новосёлов и смирился...

Друзья зарегистрировали фирму, получили денежный кредит в банке и сняли подходящее помещение с небольшим залом. После чего они, купив телескоп побольше и транслятор изображения в формате 4D, дали объявление в городские газеты, на радио и местное телевидение. Заголовок рекламы гласил: «Захватывающее путешествие в будущее, не выходя из комнаты». Плату они — по настоянию Фомина — установили приличную, правда, по предложению Новосёлова, со значительными скидками для соответствующих категорий — героев, ветеранов войн, малоимущих, пенсионеров, инвалидов, беременных женщин и несовершеннолетних.

И люди потянулись. Выстроилась «километровая» очередь, не исчезающая даже ночью. Наиболее ушлые, как в прошлое время у крупных универмагов: «Лейпциг», «Белград» и «Будапешт», продавали свои места, наваривая на этом большие деньги.

И вот настал вожделенный день, когда с минуты на минуту ожидалось начало первого сеанса. Новосёлов проверил оборудование, — оно прекрасно функционировало, — и выглянул в окно — огромная вереница желающих была на месте. И он открыл кассу. После того как количество проданных билетов достигло двухсот и убедившись в отсутствии хотя бы одного пустого стула в просмотровом зале, Фомин выключил верхний свет, нажал пусковую кнопку — и ничего не произошло! Он подозвал Новосёлова. Они опять всё испытали — ничего!

Среди зрителей поднялся постепенно возрастающий ропот, а потом стали звучать и отдельные выкрики... Не дожидаясь более худшего, друзья раздали вырученные деньги и, когда все вышли и дежурный охранник (а они уже успели нанять их) закрыл входную дверь, вновь включили аппаратуру. Обычным образом шла информация, выдавая знакомые им картины светлой страны. Видимо, случился аппаратный сбой, подумали приятели и, дав технике поработать ещё и удостоверившись в её правильном действии, открыли кассу.

Количество людей поуменилось. Наверное, передние, услышав возмущённый рассказ первых посетителей, разошлись, заключив о происходящем как о новом разводе. Но задние, внезапно быстро продвинувшись, не разобравшись толком, как

¹ Н.К. Рерих, «Нерушимое».

это часто бывает в очередях, решили, что они получили неожиданный подарок свыше, что им повезло, и чем чёрт не шутит, оплатили вход и вошли в зал.

Однако ситуация повторилась вновь...

Друзья раздали выручку следующим несостоявшимся зрителям и объявили остальным о поломке оборудования и об отмене, в связи с этим, ожидавшегося показа. Часть желающих ушла, но терпеливое большинство всё же осталось, надеясь на что-то.

Новосёлов дал деньги охраннику, чтобы он как бы купил билет. Тот сделал. И всё сработало... Тогда Фомин пригласил людей и, после оплаты ими, нажал на кнопку включения. Пустота!..

— «"Э-э!" — сказали мы с Петром Ивановичем»¹, — улыбнулся Новосёлов.

— То есть те, кто не заплатил за просмотр, могут видеть!.. — проговорил приятель, когда они сели обсудить случившееся.

— «*Опыт — лучший учитель*» (латинская поговорка)². Да, платный показ некими неведомыми силами был запрещён, — поддержал друга Новосёлов.

— Что же нам теперь делать? Ведь мы взяли кредит! — возопил Фомин.

— Ничего, *смелым Бог владеет*, выплатим, — успокоил его Новосёлов и предложил пришедшее ему на ум при проведении последнего неудачного сеанса: — Давай в нашей рекламе объявим и у выхода из зала повесим небольшое объявление о бесплатной трансляции и добровольном пожертвовании любой суммы для компенсации коммерческих расходов.

Так они и сделали. Вдобавок друзья открыли предварительную запись на просмотр как по телефону и в интернете, так и «живую» — очередей и ажиотажа не стало. Люди приходили в назначенное время, смотрели, делились впечатлениями и задавали соответствующие развитию каждого вопросы, среди которых был главный: «Что это? Что за страна?» Вначале приятели пытались объяснить сами, однако их лаконичный комментарий вызывал заметное сомнение у зрителей. Тогда они подводили неуверенных непосредственно к окуляру телескопа, и всякий из интересующихся слышал: «*Это твоя страна в будущем, новая страна! Она и новый мир планеты определены космической волей!*»

Среди посетителей присутствовал и старик-пенсионер, доживавший собственный век на нищенскую пенсию, и водитель, трудившийся по четырнадцать часов в день для прокормления своей маленькой семьи, и мать-одиночка, постоянно ломавшая голову, как одеть-обуть и обучить единственного сына, и студент, получавший стипендию, достаточную только для месячного проезда из дома в институт и обратно, и учительница, вынужденная, чтобы иметь более или менее достойную зарплату, надрываться на двух ставках, вечерами корпеть над тетрадками и ещё приторговывать в компании сетевого маркетинга, и молодой малоимущий инженер, решивший добросовестно отработать по специальности затраченные на него средства бюджетным отделением вуза... Все они радовались, что, если это полная правда и так будет, стоит жить и терпеть, хотя бы ради своих детей и внуков.

Но были и обеспеченные зрители, каковые, как и прочие, приходили полюбопытствовать на неслыханное чудо. Те тоже поражались виденным и уходили немного обеспокоенными за собственные нынешние и будущие накопления, которые они намеревались многократно умножить, чему и посвящали полностью время и силы, и передать своим потомкам...

Фомин поначалу грустил, однако поток людей не прекращался и добровольных пожертвований хватало на всё, в том числе для погашения кредита и для пропитания друзей. И он успокоился.

А Новосёлов не таил откровенного счастья, замечая нескрываемую радость в глазах бедных посетителей их салона. Вот и сейчас он ходил взад и вперёд, мысленно вознося благодарность небу.

— Чему ты так радуешься? — спрашивал Фомин, наблюдая ликующее лицо друга.

И действительно, тот испытывал блаженство как никогда в своей жизни, ощущал, будто тёплая волна накрывает его всего, наполняет изнутри. Это было похоже на то, как Новосёлов вобрал бы в себя думы и переживания всех живших ранее, в прошлом, в разных частях планеты, людей, горячо желавших наступления светлого будущего.

— «*Мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь*»³, — улыбнулся Новосёлов.

¹ Н.В. Гоголь, «Ревизор».

² «*Experimentia est optima rerum magistra*» (лат.): опыт — лучший учитель.

³ А.С. Пушкин, «Евгений Онегин».

— Наши с тобой родители — пенсионеры, — отвечал он далее, — и каждый год с нетерпением ждут небольшого повышения пенсии, катастрофически недостающего на полное покрытие безудержного роста цен и тарифов, и, с глубокой ностальгией вспоминая старое, советское время, будучи убеждёнными атеистами, всё же посылают неоднократные мольбы в высшие сферы с отчаянными просьбами изменить существующее положение. Так? А сейчас многие посетители увидели заманчивую перспективу, поняли, что они не одни, не оставлены — нас ведут, грядущее всей земли светло и является царством Божьим, которое непременно наступит. Верно утверждает древняя индийская философия — человек правильно живёт, когда чувствует себя реальным защитником человечества. Ведь истинный смысл жизни в её прочном основании на делах добра и любви. И я счастлив оттого, что мы не пребываем в безысходной тоске и унынии, а выводя и других из такого состояния, вселяем в них спасительную веру, действуем не для личной выгоды, а для всеобщего блага, то есть исполняем две главные Христовы заповеди: *«Возлюби Господа Бога и возлюби ближнего твоего»*.

Когда Новосёлов говорил это, у него был вид довольного человека, обретшего внезапно полную реализацию своего многолетнего упования.

Фомин, слушая слова друга, продолжал сомневаться. Но всё же, подобно новому небесному телу, и в его душе появилась искорка светлой веры. И что удивительно, она не угасала, как бывало много раз прежде, а постепенно увеличивалась и крепла.

«Неужели порождения тьмы окончательно отпрянут от нас прочь», — подумал он.